

БОЛЬНИЦА В ЕЛИЗАВЕТИНЕ

(Краткий исторический очерк)

Часть 4-я

СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ (1918 – 1941)

В 1918 году пришедшие к власти большевики начали реформу здравоохранения. Но на первых порах в самой Елизаветинской больнице всё оставалось по-прежнему. Вот только врач Холманских-Аммосова теперь ещё активнее участвовала в работе различных комиссий и советов.

9 мая она выступила на районном совещании по выработке мер борьбы с сыпным тифом. Совещание проходило в доме Ботина при посёлке Волосово. Юлия Ивановна сообщила, что на Елизаветинском участке за последнее время имели место три случая сыпного тифа: один заболевший был из Вохоново Гатчинской волости, другой – из Дылиц, а третий – китаец-мешочник, снятый с поезда на станции Елизаветино. Вообще же зараза переносилась по линии Балтийской железной дороги.

В мае все местные медики прошли регистрацию в органах советской власти. Это сделано, в частности, по причине надвигающейся на Петроград и губернию эпидемии холеры.

Некоторые из ранее работавших в Елизаветинской больнице врачей стали играть значительную роль в деятельности советского здравоохранения губернии. Так, Х.Л. Виленкина, ставшая в 1915 году земским санитарным врачом 2-го Шлиссельбургского участка, вошла в состав Петроградского врачебно-санитарного совета – одного из основных подразделений Комиссариата здравоохранения Союза коммун Северной области. Вместе с Виленкиной в Совете работали бывшие елизаветинские врачи - Н.Ф. Петров и В.М. Шелоумов. Совет заседал по несколько раз в месяц и решал важнейшие задачи лечебного и санитарного обслуживания населения и проведения противоэпидемических мероприятий в условиях нехватки продовольствия, топлива, миграции гражданских лиц и войск, эпидемий различных заболеваний.

Совет обсуждал и некоторые неотложные меры по улучшению работы лечебных учреждений. Так, на заседании 23 августа врач Н.Ф. Петров доложил о нуждах Елизаветинского участка. В результате Совет решил достроить Елизаветинскую больницу.

На заседании 20 сентября (секретарем заседания был Н.Ф. Петров) вторым вопросом повестки дня снова стал разговор о положении дел в Елизаветинской больнице. В ней необходимо было построить заразный барак, хирургическое и родильное отделения, дезинфекционную камеру. Требовали переустройства и ремонта канализация, водоснабжение, баня и прачечная, квартиры для персонала, хозяйственные службы. Больнице необходимы дополнительно 3 десятины земли.

К началу октября 1918 года эпидемия холеры прекратилась, но появилась новая болезнь, еще страшнее, испанка! В конце месяца медики уже напрягали все силы в борьбе с ней. Все другие дела, в т. ч. реконструкция и ремонт больницы, временно были отложены.

В ноябре положение стало настолько серьезным, на борьбу с испанкой тратилось так много сил и средств, что всерьёз рассматривалась возможность

ликвидации межъездных врачебных участков, в т. ч. и Елизаветинского. Однако, приняв во внимание, что Елизаветинская больница являлась тем местом, куда на лечение *отсылались глазные и сложные гинекологические больные со всей округи*, в конце ноября новая власть приняла решение не только сохранить больницу, но и расширить её.

Вплотить это в жизнь помешали та же испанка, обширные территории, скверные пути сообщения, по причине чего медицинскому отделу Гатчинского Совета совершенно не удалось наладить правильную связь с волостями, где никаких медицинских отделов не было, а потому некому было и руководить делами здравоохранения. Прежняя система охраны здоровья сельских жителей, в лице земской медицины, оказалась теперь фактически не у дел, а новая медицинская организация ещё не была налажена.

В конце 1918 года сыпной тиф получил характер повсеместной эпидемии и на борьбу с ним направлялись теперь все силы медиков.

Не успели они весной 1919 года приостановить распространение сыпняка, как вновь, с наступлением жаркой летней погоды, в июле, пожаловала в гости старая знакомая – холера. Опять местные советские власти провели регистрацию медиков и ветеринаров с целью полной мобилизации их на войну с эпидемией. А тут и настоящая война появилась на пороге: в середине октября окрестности Елизаветина были захвачены войсками генерала Юденича.

Около трёх недель хозяйничали в Гатчинских краях белые, а после их изгнания обнаружилось, что и то небольшое, что ещё уцелело от старого строя, было порушено, разграблено. Многие медики были мобилизованы в Белую армию и при отступлении Юденича вынуждены были уйти вместе с войсками в Эстонию. Наверняка, подобное происходило и в Елизаветинской больнице, но, к сожалению о её судьбе в этот период сведений у меня не имеется, нужны новые кропотливые исследования.

Начало 1920 года ознаменовалось укреплением советской власти, а также голодом, топливным кризисом, эпидемией сыпного тифа. В марте население мобилизовали в революционную трудовую армию. Но медики, все без исключения – от врачей до санитарок, сиделок и хожалок – были освобождены от трудовой повинности: у них и так дел по горло! Это решение оказалось правильным: уже к середине апреля усилиями медицинских работников сыпняк удалось победить!

Примерно в это время больницу возглавила врач Зинаида Феофановна Вольская. Помощником её был фельдшер Иван Дмитриевич Островерхов, служивший здесь ещё с царских времен. Аптекой ведал провизор Ундт, тоже ветеран больницы. Медицинский персонал, как и прежде, жил при больнице.

Новая власть предписала Вольской, одновременно с исполнением обязанностей по больнице, быть ещё и школьным врачом в Елизаветине. В школе она также преподавала анатомию и физиологию.

По анкетным исследованиям, проведенным тогда на женской конференции в Гатчине, окрестное население в целом одобряло Советскую власть, но было недовольно отношением власти к религиозному вопросу и недостатками продовольственного аппарата.

В конце июня 1920 года в Петрограде проходил губернский съезд врачей, на котором была высказана поддержка Советской власти.

На состоявшемся чуть позже губернском съезде Советов отмечено, что в губернии создались самые неблагоприятные условия борьбы с эпидемиями, ощущается нехватка медицинского персонала и медикаментов. Поэтому в губернии создавались летучие противоэпидемические отряды, снабженные всем необходимым.

В трудных условиях ломки старого и зарождения нового строя, разрухи, голода и гражданской войны прошли следующие два года.

1923 год окрестности Елизаветина встречали в составе нового административного образования: произошло объединение Гатчинского и Петергофского уездов с центром в Гатчине.

Постепенно складывалась новая, советская, система здравоохранения. Лечение в медицинских учреждениях осуществлялось за плату: за амбулаторный совет с отпуском необходимых лекарственных средств – 25 копеек, перевязки – 25 копеек, койко-день (кроме заразных отделений) – 50 копеек, пломбировка зубов – по особой таксе. Лечебная помощь на дому – 1 рубль за посещение. Роженицы: первые 3-е суток – по 50 копеек, от 4 до 7 суток – по 30 копеек, свыше 7 суток – по 20 копеек.

Правда, от платы за лечение освобождались некоторые категории граждан: застрахованные, красноармейцы и члены их семей, инвалиды, официально зарегистрированные безработные, дети в детских домах, милиционеры и их семьи, учащиеся ВУЗов на госстипендии, больные трахомой и венерическими заболеваниями.

Губернские инструкторы санитарного просвещения, снабженные передвижными выставками, волшебными фонарями, диапозитивами и литературой, начали регулярно бывать в уездах, волостях и деревнях, инструктируя участковый медперсонал и местных работников культуры, проводя одновременно и массовую санпросветработу в форме лекций, выставок, вечеров вопросов и ответов, санитарных судов и др. Это было тем, чего почти безрезультатно добивалась в прошлом земская медицина: вовлечение самого населения в охрану здоровья.

Несомненно, Елизаветинский медицинский участок в этот период организационно и материально окреп, ибо на 1 октября 1924 года здесь зарегистрированы: больница с 12 общими и 3 родильными койками, врачебная амбулатория, при больнице зубной кабинет с одним креслом.

Пока нет полных сведений о медиках, что работали в это время. Известно, что из прежнего персонала продолжали здесь трудиться главный врач З.Ф. Вольская, фельдшер И.Д. Островерхов и провизор аптеки И.К. Ундт. Коллектив пополнил также бывший фельдшер Гатчинской земской больницы Андрей Андреевич Андреев.

Из тифов оставался пока непобежденным лишь брюшной, давший по губернии в том году 622 заболевших.

Петроградская губерния стала называться Ленинградской, а Детскосельский уезд (бывший Царскосельский) ликвидировали и его территория отошла к новому Гатчинскому уезду, вскоре ставшему Троицким.

Весь 1925 год прошел под знаком борьбы с брюшным тифом, заболеваемость которым выросла более чем в полтора раза.

Большее внимание стало уделяться медицинскому обслуживанию школ. С этой целью Губернским здравотделом были обследованы Гдовский, Лужский, Лодейнопольский и Троицкий уезды. Оказалось, что из 65 тысяч школьников только 12 тысяч обслуживаются врачами.

В том же году в Троицке (так теперь именовалась Гатчина) при содействии Губздрава был организован первый в губернии и один из первых в Советской России уездный Дом санитарного просвещения, что положительно повлияло на организацию санитарной пропаганды во всей округе и явилось одним из условий приближения победы над брюшным тифом. Об истории этого учреждения можно прочесть в очерке, помещённом на моей Страничке в интернете.

В 1926 году медикам вновь пришлось приложить немало усилий для снижения заболеваемости брюшным тифом.

В этом году была также проделана огромная работа по организации охраны здоровья матери и ребёнка или, как тогда говорили, матмлада, т. е. материнства и младенчества. По существу, именно в тот год положено начало этой деятельности, вылившейся позднее в стройную систему, чем по праву может гордиться советское здравоохранение: о подобном в старой России можно было только мечтать.

На охрану матмлада в тот год было выделено 8, 8 % бюджета здравоохранения губернии. Началась патронажная работа с новорождёнными. Через консультации для беременных прошли 7 % женщин.

В 1929 году главного врача Вольскую сменила Мария Алексеевна Мышковская, которая возглавляла больницу следующие 3 года. В течение этих лет продолжалось формирование и совершенствование новой системы советского здравоохранения. В Гатчине, которая теперь звалась Красногвардейском, находился центр руководства всей окрестной медициной. В городе имелся рентгеновский кабинет, один из первых в губернии; работала бактериологическая лаборатория. В 1931 году расходы на здравоохранение района составили 161 тысячу рублей.

Но не всё было гладко в здравоохранении, как, кстати, и в жизни страны, где всё ещё действовала карточная система распределения товаров, продолжалась классовая борьба, проводилась насильственная коллективизация сельского хозяйства.

На долю нового руководителя больницы, врача Антонины Митрофановны Ширкевич, в 1934 году выпало нелёгкое дело организации ремонта обветшавшего за годы революции, гражданской войны и разрухи больничного хозяйства. Сложно было со строительными материалами, рабочей силой. Да и навыков хозяйственной работы у Ширкевич не было; она разрывалась между усилиями по организации работы больницы и хлопотами по её ремонту.

Не удивительно, что в результате пострадало всё. В октябре в районной газете «Красногвардейская правда» появилась критическая статья, в которой сообщалось о грязи в больнице, безответственности и разгильдяйстве больничного руководства. Не справилась Антонина Митрофановна с тяжёлыми обязанностями главного врача. В августе 1935 года проведенная Райздравом проверка обнаружила, что в больнице: антисанитарное состояние помещений; питание больных скверное, вместо 3 рублей 01 копейки в день расходуется не свыше 2 рублей. Отпущенные на ремонт 20 400 рублей почти не использованы, а то, что сделано, имеет плохое качество. Топливом больница не обеспечена.

Врач Ширкевич весной 1936 года была освобождена от должности руководителя больницы. Следует сказать, что в тот период по всему району проверялась работа медицинских учреждений и меры к виновным в различных нарушениях применялись строгие. Дело в том, что за предыдущие два года значительно увеличился бюджет здравоохранения (более чем в 10 раз!), повышена зарплата медработникам, возросли суточные нормы на питание больных в стационарах. Поэтому возросли и требования к качеству медицинского обслуживания.

Между прочим, бывший врач Елизаветинской больницы Холманских-Аммосова в это время трудилась в системе здравоохранения Ленинграда и являлась главным врачом Профамбулатории.

В июне 1936 года главным врачом больницы назначили Данилова. Но то ли человек он был действительно неподходящий для этого поста, то ли ещё что, только в начале декабря того же года Данилова с работы сняли за «антисемитизм, хамское отношение к больным, подхалимское отношение к вышестоящим работникам». Помещаю статью из газеты «Красногвардейская правда» от 4 июля 1936 года:

О семейственности, Данилове и непокорных козах

У одного из щедринских градоначальников вместо головы был приспособлен органчик. Изредка этот градоначальник зловеще изрекал: „Раззорю, не потерплю!“ Недалеко ушел от щедринского героя новый главный врач Елизаветинской больницы Данилов.

Первая встреча Данилова с сотрудниками состоялась на производственном совещании или вернее на производственном распекании. Ибо никто и ни с кем не совещался, а Данилов единолично грубо всех распекал, не давая сотрудникам говорить.

Он прямо заявил: „Я вас научу по струнке ходить, вы меня без слов должны понимать, а если не хотите—увольняйтесь. Я здесь диктатор. Вы должны только фиксировать то, что я говорю“.

Нашлись, однако, отдельные сотрудники больницы, в первую очередь редактор стенгазеты тов. Минина и профуполномоченный тов. Рубинович, справедливо считающие, что подобное поведение врача советской больницы нетерпимо. Они об этом открыто заявили. Редактор стенгазеты осмелилась даже написать заметку, представив первое публичное выступление своего начальника в не совсем розовом свете.

Этого не стерпела душа Данилова и он приступает к расправе. Над Мининой Данилов всадечки издевается. Когда она лежала больной, он подо-

шел к ней и сказал: „Ну, твое дело решенное, тебе здесь не работать“. Неудивительно, что после такого „чуткого“ подхода врача, Минину начало сильнее температурить и самочувствие резко ухудшилось. Очевидно понимание психологии больного не входит в круг познаний Данилова.

Затем Минину посылают на медицинскую комиссию. Последняя находит у нее функциональное расстройство нервной системы. Но что Данилову до комиссии? Он видел ли считает, что у ней психостения, хотя не может не знать, что между этими болезнями дистанция огромного размера.

Самое важное то, что по существу о работе Мининой Данилов ничего плохого сказать не мог. Попросту, мешает ему редактор газеты, знающий его к тому же по деятельности в Мгинской больнице.

Наступает очередь для расправы с другим представителем общественности — профуполномоченной Рубинович. На вопрос „почему ее увольняют“, Данилов презрительно ответил: „знаете ли, она грязнуля, копается в огороде, да и вообще еврейка, их здесь много“.

На замечание врача Ширкевич, что кроме Рубинович в больнице нет евреев, Данилов снова подтвердил, что вообще в Елизаветинском много евреев.

Странная осведомленность у Данилова о наличии евреев в Елизаветинском. В фашистской

Германии он мог бы, пожалуй, стать неплохим расоведом и по крохотной горбинке на носу определять чистоту арийской крови жителей Третьей империи. Но в СССР как известно, ни расовая теория, ни люди, проповедывающие ее особым почетом не пользуются. А в проекте новой Конституции записано... „всякая проповедь расовой или национальной исключительности, или ненависти и пренебрежения—караются законом“.

Возмутительно относится Данилов к врачу Ширкевич. Он отыскивает о ней с гримасой презрения, как о „слушаче“. А на деле, оказывается, что врач Ширкевич имеет больший практический стаж и опыт, нежели Данилов.

Данилов считает, что в больнице есть семейственность. Однако, странными методами он борется с ней. Увольняются сотрудники, на их место Данилов приглашает своих друзей. Сейчас работают Данилов, его жена, знакомая акушерка, приглашенная на место Рубинович, друзья, завхоз с женой.

Кстати, завхоз взят за счет ставки медработника. А их в больнице не так уж много. Зачем спрашивается нужен завхоз в больнице на 10 коек, где другого „капитального“ строительства в ближайшее время, кроме постройки новых козлятников не предвидится? А с козлятиниками и козами Данилов воюет, с мужеством достойным

лучшего применения. Они-де и жамин поедают, и вишню портят, и нарушают красоту окружающей природы.

Характерно, что в райздраве считают положение в Елизаветинской больнице нормальным. Зам. зав. райздравом Арбонев уверяет, что Рубинович выдвигается на самостоятельную работу, согласно приказа Наркомздрова. В чем смысл этого выдвижения мы видели выше.

Райком союза медсантруд с легкой руки зам. преда Мельдер согласился на увольнение Рубинович. А теперь председатель союза Жукос сам признает, что положение тревожное и вся Мгинская больница почему-то переезжает в Елизаветино.

На все замечания Данилов отвечает обемистыми папками бумажек за входящими и исходящими номерами. Он прямо говорит: „Они пригодятся если не мне, то моим детям“.

Собирать бумажки—личное дело Данилова. Но в СССР судят не по бумажкам, а по конкретным делам руководителей, по их умению выполнять директивы правительства.

А пока что конкретные дела Данилова нетерпимы и мы не сомневаемся, что будут приняты необходимые меры к немедленному оздоровлению обстановки в Елизаветинской больнице.

Д. Ир.

Вскоре больницу возглавил врач Бонифатий Андреевич Брокан. Это был уже врач новой, советской, формации.

Родился он в 1889 году. Окончив начальную школу, работал чернорабочим. Затем ему удалось поступить в фельдшерскую школу, после окончания которой он 18 лет отслужил фельдшером во флоте. Затем был 3-й Ленинградский медицинский институт, законченный в 1935 году.

Вот теперь больнице повезло: новый главный врач был энергичен, активен, не боялся трудностей. Да и контакт с подчинёнными сумел наладить быстро. Бонифатия Андреевича обеспечили в Елизаветине бесплатной квартирой и назначили зарплату в 600 рублей.

Почти одновременно с новым главным врачом в больнице появился и новый фармацевт. Это была Вера Гавриловна Марфина, получившая звание провизора в 1928 году после окончания Ленинградского Фармацевтического института. Марфина стала управляющей больничной аптекой, сменив в ней провизора Ундта. И ещё одним новым работником пополнился медицинский персонал учреждения в том году. После окончания 2-х годичных курсов медсестёр в Гомеле в больницу прибыла по направлению Мария Ивановна Зиновьева (родилась в 1904).

Новые работники энергично принялись налаживать больничное хозяйство. Однако сделать это быстро не удалось, поэтому и в следующем году не удалось избавиться от недостатков. Правда, относились они в основном к состоянию зданий и помещений больницы. Так, в строении стационара крыша протекала в 10 местах, а посему обвалился потолок коридора.

Однако медики и не думали сдаваться. Главный врач Брокан, управляющая аптекой Марфина, зубной врач А.И. Джункова, акушерка Р.Я. Метлицкая, медсёстры Зиновьева и А.М. Миллер, при участии санитарок и другого обслуживающего персонала, планомерно совершенствовали работу и хозяйство больницы.

С 1938 года в штате учреждения появился врач-педиатр, обслуживающий детей на территории всего сельсовета.

В 1939 году больница получила по бюджету 29 тысяч 748 рублей, что позволило ещё лучше организовать лечение больных, а главное – наконец-то привести здания и помещения в порядок.

Больница вскоре вышла в число лучших по району и к 1 мая 1940 года была

Б.А. Брокан. 1947 год

Книга поздравлений

♦ Нам пришлось лечиться в Елизаветинской больнице. Каково здесь? Всюду чистота, порядок. Обращение с больными ласковое, внимательное. Главный врач тов. Брокан и весь обслуживающий персонал всегда приходят к нам в веселом, приподнятом настроении. Оттого и нам становится лучше.

В. Иванов, Констан-
тинов, Тилкку,
Тейдер

награждена переходящим знаменем Райздравотдела и Райкома Медсантруд, а ещё получила 500 рублей на премии работникам и одну путёвку в дом отдыха.

7 июня 1941 года газета «Красногвардейская правда» поместила заметку с благодарностью в адрес Елизаветинской больницы.

А через две недели грянула война...

(продолжение будет)

ВЛАДИСЛАВ КИСЛОВ